УДК 930.26(571.63)

Ю. Е. Вострецов

Институт истории, археологии
и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН
ул. Пушкинская, 89, Владивосток, 690950, Россия
E-mail: vost54@mail.ru

ПЕРВЫЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ НА ПОБЕРЕЖЬЕ ЗАЛИВА ПЕТРА ВЕЛИКОГО *

В статье рассматривается один из поворотных моментов в культурной эволюции населения Приморья, когда на рубеже атлантического и суббореального периодов голоцена ранние земледельцы расселялись из континентальных районов на побережье залива Петра Великого. Причиной расселения стали экологические изменения этого времени, обусловившие резкое ухудшение агроклиматических ресурсов в континентальных районах и их стабилизацию – в приморских. Реконструируется система жизнеобеспечения ранних земледельцев на морском побережье, идентифицируются черты приморской адаптации. Анализируются свидетельства использования грядковой техники земледелия на поселении Зайсановка-7 (4 500 л. н.). Предлагается реконструкция модели культурной адаптации ранних земледельцев на морском побережье.

Ключевые слова: Восточная Азия, Российское Приморье, неолит, ранние земледельцы, культурная адаптация, приморская адаптация, грядковая система земледелия.

Переход от атлантического к суббореальному периоду голоцена – время значительных изменений в культурной эволюции человека, обусловленных катастрофическими ландшафтно-климатическими катаклизмами, сопряженными со значительным и продолжительным похолоданием и падением уровня моря [Короткий, Вострецов, 1998]. В этот период исчезали, появлялись и распространялись культуры, основанные на различных адаптациях. Ранее мы охарактеризовали это время, как один из «поворотных моментов» в культурной эволюции [Вострецов, 2006], когда люди, находящиеся в различных природных условиях, вынуждены искать новые адаптивные решения, чтобы приспособиться к меняющейся экологической обстановке. Одни культурные группы находили адекватные решения, другие – нет. Мы наблюдаем огромное разнообразие удачных и неудачных поисков адаптивных решений, суть которых заключалась в том, чтобы приспособиться к изменениям привычной ресурсной базы сообществ. Выяснение характера отбора адаптивных решений особенно актуально для сравнения с современной быстро меняющейся природной обстановкой.

В данной работе, по итогам собственных многолетних исследований, мы предлагаем реконструкцию в экологической парадигме событий, происходивших в неолите на побережье залива Петра Великого. Мы рассмотрим на примере расселения ранних земледельцев из континентальных районов (Кроуновка-1) в прибрежной зоне (Зайсановка-7) вопросы, методически слабо разработанные, а потому актуальные в отечественной науке. Это влияние природных изменений на формирование адаптивных решений у разных культурных групп населения, условия предпочтительности для сообществ различных видов культурных адаптаций, идентификация моделей вновь сформированных культурных адаптаций, характер процессов, доминирующих в смене культурных традиций на побережье (культурные трансформации или миграции).

До начала описываемых событий в континентальной зоне Приморья в результате похолодания, произошедшего в интервале 5 400–5 200 л. н., появилось раннеземле-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям», госконтракт № 10104–37/II–21/238–398/120707_046.

ISSN 1818-7919
Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2009. Том 8, выпуск 3: Археология и этнография
© Ю. Е. Вострецов, 2009

дельческое население «зайсановской культурной традиции» (ЗКТ) с традицией изготовления керамики с веревочным орнаментом. В то же время на западном побережье залива Петра Великого сохранилось население, адаптированное к эксплуатации лагунных и морских ресурсов [Вострецов, 1998], представленное 4 и 5 этапами бойсманской культурной традиции [Морева, 2005].

Такое сосуществование продолжалось до начала нового похолодания климата (после окончания теплого атлантического периода), начавшегося около 4900 л. н. В результате похолодания и падения уровня моря на 6 м, на побережье произошла кардинальная перестройка морских и наземных ландшафтов, что сопровождалось заполнением лагун наносами, выравниванием береговой линии, деградацией лагун и сужением ресурсной базы бойсманцев [Короткий, Вострецов, 1998. С. 25]. Это население с лагунно-морской адаптацией, вероятно, не смогло приспособиться к резко меняющимся условиям окружающей среды, и около 4 800 л. н. бойсманская культурная традиция исчезла [Вострецов, 1998; 2005а; 2006].

В интервале 4 700–4 500 л. н., когда экологические изменения, в том числе связанные с понижением агроклиматических ресурсов, достигли своего пика, ранние земледельцы с традицией «веревочной» керамики начали расселяться из долины р. Раздольной (Суйфун) в различных направлениях [Вострецов, 2005а]. Часть из них заняла уже освободившееся от бойсманцев побережье залива Петра Великого (поселения Рыбак-1, Бойсмана-1, 2, Зайсановка-7, 8, 9, Посьет-1, Клерк-5). В результате около 4 500 л. н. на песчаной косе, отделявшей палеолагуну в устье р. Гладкой от бухты Экспедиции, образовалось круглогодичное поселение Зайсановка-7 с наземными жилищами и стратифицированной раковинной кучей.

В результате анализа всей совокупности экофактов и артефактов удалось реконструировать основные виды деятельности населения и их сезонную последовательность на наиболее изученном памятнике Зайсановка-7 [Вострецов и др., 2002а; Вострецов, 2005б]. Это позволило представить систему жизнеобеспечения ранних земледельцев после того, как они переселились на морское побережье. Ранее предложенная реконструкция хозяйственного цикла оставляет много вопросов, связанных с неполнотой наших данных, которые необходимо обсудить и дать примерную оценку роли каждого из видов хозяйственной деятельности в системе жизнеобеспечения.

Рыболовство, вероятно, было основным видом деятельности, ради которой люди и выбрали место для данного поселения. Рыба была главным источником белка и микроэлементов для населения. Рыболовство осуществлялось почти круглый год – с весны до поздней осени, но пик приходился на лето. В целом, обитатели поселка вылавливали 26 видов рыб. Анализ их видового состава показал, что основную роль в промысле играли как теплолюбивые стайные виды рыб, такие как скумбрия японская (Scomber japonicus – 33,06 %), так и умеренно холодолюбивые – камбаловые (Pleuronectidae – 15,16 %), красноперка (Tribolodon brandti – 16,95 %) [Вострецов и др., 2002а]. Очевидно, что основная ориентация рыбаков была на виды, образующие сезонные скопления на морском мелководье и приемлемые для добычи с помощью сетевой снасти. В периоды отсутствия скоплений этих видов рыбаки переключались на другие, максимально доступные в это время. В целом, список и количественное соотношение вылавливаемых видов рыб свидетельствуют о том, что население оптимально использовало возможности данной окружающей среды. Остается неясным, насколько интенсивно люди эксплуатировали пресные водоемы и существовал ли промысел тихоокеанских лососей, возможности для которого, несомненно, были, но кости этих видов рыб редко сохраняются в культурном слое.

Основными орудиями рыболовства были разного вида сетевые снасти. На поселении найдено более 800 грузил, образующих иногда отдельные скопления трех размерных рангов [Zaisanovka 7…, 2005]. Рыболовство было в основном мужским коллективным занятием с применением плавсредств. Но добыча некоторых видов могла вестись на крючок и / или острогой, не исключая индивидуального рыболовства женщинами, детьми или стариками, как это практиковалось у коренных народов Приморья и Приамурья, у которых ловля крючковой снастью считалась женским или детским занятием.

Собирательство моллюсков, судя по распределению в отложениях, было не ста-

бильно по годам [Вострецов и др., 2002б]. Небольшой средний размер устриц (7–8 см) и слабая насыщенность раковинных отложений иными культурными остатками свидетельствуют о том, что устриц собирали быстро и в больших количествах в период нехватки иных ресурсов. Занимались этим, вероятно, маргинальные жители поселения, такие как старики и дети. Что касается моллюсков, собиравшихся на удалении до 5–6 км от поселка, то, судя по их незначительному количеству, они были попутным продуктом рыболовства в этих районах.

Другим важным источником белков была охота. Жители поселения добывали три вида оленей, а также кабанов, собаковидных и перелетных птиц, отдыхающих в лагуне.

Собирательство растений [Сергушева, 2007] являлось, в первую очередь, важным источником углеводов и витаминов. Обитатели поселения использовали все потенциально возможные растительные ресурсы окружающей среды того времени. Наиболее важными среди них, скорее всего, были желуди, потому что, во-первых, поселение в это время окружали дубовые леса; во-вторых, в прибрежной зоне урожаи желудей относительно стабильны по годам из-за редкости весенних заморозков; в-третьих, желуди после простой обработки могут храниться до двух-трех лет. Так, например, у коренных народов Приморья и Приамурья желуди составляли основу углеводной компоненты питания и заготавливались в больших количествах так, чтобы хватило до следующего урожая. Следующим по значимости было собирательство маньчжурского ореха, который был не таким обильным ресурсом в тогдашних условиях и более удаленным, но также мог храниться до следующего года. Орехи лещины, судя по тому, что не могли храниться долго, имели сезонную значимость. Потенциально важным источником углеводов, витаминов и микроэлементов были плоды черемухи, которые после специальной обработки могли храниться до следующего лета. Коренные народы Приморья и Приамурья использовали плоды черемухи в больших количествах и выработали множество рецептов ее сохранения и приготовления [Подмаскин, 1998. С. 107]. Еще одним важным источником витаминов и клетчатки, который запасался впрок, были яблоки-дички. Например, удэгейцы для длительного хранения яблоки высушивали или заливали жиром [Подмаскин, 2003. С. 136]. Население также собирало виноград амурский, для медицинских целей заготавливали семена бархата амурского. Все это хранилось в больших ямах около жилищ.

Остается дискуссионным один вид хозяйственной деятельности – охота на морских млекопитающих. Ее существование подтверждается находкой костяного поворотного гарпуна, позволяющего предполагать существование охоты на ластоногих с ледовой кромки в зимнее время в море и лагуне. Ландшафтная ситуация того времени показывает ее высокую вероятность. Песчаные косы на выходе из лагуны являются излюбленным местом обитания пятнистых тюленей и морских львов, куда они приходят весной для размножения, а летом как на места охоты и отдыха при следовании за косяками рыб. Охота на ластоногих на суше не требовала специализированных орудий, которые можно было бы проследить археологически.

Наиболее важный вопрос для реконструкции адаптивных процессов – роль земледелия у прибрежного населения, предки которого практиковали земледелие в континентальном Приморье как минимум за 500 лет до этого. Из культивируемых растений известны семена проса обыкновенного (cf. Panicum miliaceum), которые не были обрушены [Сергушева, 2007]. В то же время мы обнаружили большое количество косвенных свидетельств земледельческой практики [Вострецов и др., 2002а]. Это различные мотыги, четыре жатвенных ножа, два терочника, пять курантов и семь «ручных плугов», которые связываются с земледелием на легких почвах на более ранних и одновременных памятниках в Маньчжурии и Корее [Choe Chong Pil, 1990. P. 10, 11; Вострецов и др. 2002а. С. 34; Zaisanovka 7…, 2005]. Вошедший в обиход термин «ручной плуг» не вполне адекватно отражает функцию этого орудия, которое производит вспашку как соха, а не как плуг, подразумевающий переворачивание земли. «Ручной плуг» («карэ») предназначался для создания параллельных борозд, между которыми образовывалась возвышающаяся гряда (грядка). Обнаруженные «ручные плуги» различаются по размерам лезвий. Вероятно, это позволяло делать гряды различных размеров. Следы использования на концах лезвий

не оставляют сомнений в том, что они применялись для «протяжки» в почве под углом. Причем, по наблюдениям автора, следы использования на «карэ» из поселения Кунсан [Со Кук Те, 1986] и «плугах» на поселении Зайсановка-7 идентичны. Можно констатировать, что на побережье ранние земледельцы имели более развитый земледельческий технологический комплекс, чем их «предки» на поселении Кроуновка-1. Учитывая, что «ручные плуги» были известны с более раннего времени в Юго-Западной Маньчжурии (около 7000 л. н., культура чжаобаогоу) [Чжао Биньфу, 2003] и Северной Корее (кунсанская культура – поселение Кунсан, 2 слой-этап) [Со Кук Те, 1986], то появление их на юго-западе залива Петра Великого, вероятно, связано с какими-то культурными влияниями из районов р. Туманной (Туманган). Технология земледелия не только и не столько развилась в процессе расселения из континентальных районов (Кроуновка-1) в прибрежные (Зайсановка-7), сколько стала результатом привнесения новой технологической традиции земледелия. Новая технология предполагала создание гряд на легких песчаных почвах с помощью ручного плуга. Мы имеем этнографические примеры создания полноценных грядок с помощью подобных орудий [Чжан Ён Хак, 2003. С. 170, рис. 46]. Геоморфолог А. М. Короткий отмечал в стратиграфии западной части траншеи волнообразные образования [Вострецов и др., 2002б. Рис. 1], аналогичные обнаруженным на поселении Кроуновка-1 в горизонте обитания населения кроуновской культуры. Эти образования, по его мнению, могут иметь только антропогенное происхождение. На наш взгляд, создание гряд было необходимой инновацией для увеличения надежности земледелия на влажной косе в условиях похолодания, сопряженного с сокращением вегетационного периода и разливами. Гряды избавляли растения от переувлажнения, лучше прогревались, способствуя ускорению созревания злаков. Кроме того, грядки предполагали рядовой посев, который был гораздо экономичнее посева в разброс и, вероятно, облегчал прополку. Мотыги (10 экземпляров) также варьируют по размерам и ширине рабочей части. Вероятно, часть из них могла использоваться для прополки гряд. Судя по этнографическим данным по Маньчжурии, в течение вегетации злаков обычно делалось 3 прополки. Причем прополкой полей занимались только мужчины. На поселении Зайсановка-7 не обнаружено каких-либо следов копания грунта, кроме хранилищных ям, которые гораздо эффективнее выкапывать крупной раковиной моллюска, такого как устрица, спизула или мидия, чем мотыгой (тем более, что песчаный грунт не требовал ударных усилий для разрыхления).

С чем могло быть связано появление новой технологии земледелия? С одной стороны, это может означать то, что мы просто не проследили признаков грядковой технологии земледелия на поселении Кроуновка-1. Но против этого свидетельствует наблюдение, что «ручные плуги» использовались в местах с легкими почвами, а в долине р. Кроуновки почвы не тяжелые, но не такие легкие, как на песчаной косе около поселения Зайсановка-7. Маловероятно также, что раннеземледельческое население, переселившись на морское побережье, заново изобрело технику обработки земли «ручным плугом». Для использования «ручного плуга» нужно трое мужчин (можно и двое, но с применением плуга с острым железным лезвием), а жилища на поселении Кроуновка-1 рассчитаны на одну малую семью, причем площадь тяготеет к минимальным размерам (20–23 кв. м). Размер же социальной единицы на поселении Зайсановка-7, судя по удвоению площади наземных жилищ, заметно больше, вероятно, около 50 кв. м [Вострецов и др., 2002а]. В земледелии величина семьи определяется количеством необходимой рабочей силы во время посадки и уборки урожая. Увеличение социальной единицы (расширенная семья?) давало возможность использовать плужную технологию обработки земли и, несомненно, связано, с эксплуатацией морских ресурсов, так как ловля стайных рыб сетями с лодок требовала кооперации как минимум нескольких мужчин. С другой стороны, если на поселении Кроуновка-1 не было плужной техники обработки земли, тогда разумно предполагать существование еще одной волны миграции земледельческих групп населения на побережье залива Посьета, которые смешались с носителями традиции изготовления керамики с веревочным орнаментом, пришедшими на побережье раньше. Для этого предположения есть основания, прослеживаемые в изменении керамической традиции. Так,

если на поселении Кроуновка-1 веревочные оттиски на сосудах составляют 40 %, то на прибрежном поселении Рыбак-1 их количество уменьшается до 16 %, на поселении Зайсановка-7 их насчитывается только 6,4 %, а доминирует вертикальный зигзаг. Кроме того, изменяется и технология керамики. В результате появилась весьма неоднородная посьетская группа памятников [Вострецов, 2005а]. Остается предполагать, откуда именно могли мигрировать носители грядковой технологии земледелия. Наиболее вероятный путь расселения – из долины р. Туманной. Однако на поселении Зайсановка-7 известно незначительное количество обсидиановых отщепов из вулкана Пектусан (истоки р. Туманной) и полное отсутствие обсидиановых орудий. Это весьма отличает посьетцев от более поздних мигрантов из района р. Туманной – клерковцев и гладковцев, которые использовали несравненно большее количество обсидиана для изготовления орудий. Это наблюдение позволяет предполагать, что группа мигрантов была очень небольшой и неспособной сохранять или поддерживать обменные отношения с районами, из которых произошло расселение.

Предложенная нами реконструкция системы жизнеобеспечения обитателей поселения Зайсановка-7 отражает адаптивную реакцию мигрантов-земледельцев в условиях изменения среды обитания и похолодания климата. Какой из этих факторов доминировал конкретно в изменении технологии земледелия, пока не ясно.

Исходя из полученных данных, можно предположить, что под воздействием ухудшения агроклиматических условий группы населения с традицией изготовления керамики с веревочным орнаментом расселялись из континентальных районов, вероятно, из долины р. Раздольной, в разных направлениях в поисках устойчивых агроклиматических ресурсов. Напомним, что у побережий в условиях похолодания климата агроклиматические ресурсы были устойчивее, чем в континентальных районах, но существенно ниже рангом. Это демонстрирует, что поиск оптимальной адаптивной стратегии происходил в направлении выбора надежности получения ресурса в ущерб его количеству. Более того, на морском побережье Южного Приморья мигранты встретили, кроме устойчивых, но низкопродуктивных агроклиматических, новые виды ресурсов. Они стали эффективной альтернативой снижению агроклиматических ресурсов, которые, по нашим оценкам, обеспечивали устойчивость системы жизнеобеспечения в континентальных районах. Это были ресурсы морского и лагунного рыболовства, охоты на морских млекопитающих и перелетных птиц. Кроме того, сохраняли свою значимость для пополнения белкового и углеводного компонентов диеты ресурсы охоты на наземных млекопитающих и собирательства растений. Собирательство моллюсков использовалось как кризисный ресурс. Таким образом, изменения основных параметров окружающей среды как ресурсной базы сообществ не могли не отразиться на изменениях в системах жизнеобеспечения и моделях культурной адаптации в целом.

Какие же новые черты культурной адаптации появились у ранних земледельцев Приморья в результате расселения на побережье? На этот вопрос мы можем ответить, опираясь на материалы памятника Зайсановка-7 и родственных ему поселений. Кроме того, мы попытаемся прояснить какой именно компонент в их системах жизнеобеспечения доминировал – земледельческий или рыболовно-охотничье-собира-тельский? Для этих целей мы использовали общие признаки культурной адаптации приморских охотников-собирателей, выделенные Д. Еснером [Yesner, 1980]. Такой подход уже успешно применялся нами для идентификации приморской адаптации у населения бойсманской культурной традиции [Вострецов, 1998].

Экологическая группа признаков связана с характеристикой ресурсной базы сообщества. Высокая биомасса ресурсов зон хозяйственного использования поселений Зайсановка-7, 8, 9, Гвоздево-3, Бойсмана-1, 2, Рыбак-1 обусловливалась приуроченностью к устьевой части лагуны. Как показано выше, выбор места для поселения Зайсановка-7 был ориентирован на оптимизацию эксплуатации морских и лагунных ресурсов. Поселение Рыбак-1 располагалось на выходе из лагуны, а поселения Посьет-1 и Клерк-5 приурочены к побережью закрытой части полуостровов. Эти участки являлись убежищем для многих видов морских организмов, а также местом, где скапливалась первичная продукция. Кроме того, в зону

хозяйственного использования памятника Клерк-5 входило одно из устьев палеолагуны Бойсмана и палеобухта в юго-западной части полуострова Клерка.

Разнообразие морских и прибрежных ресурсов также обеспечивалось приуроченностью к лагунам, характеризующимся, кроме того, и наличием так называемых мигрирующих ресурсов. Вдоль береговой линии проходили миграции копытных, перелетных птиц, которые отдыхали в лагунах. Через устья рек заходили на нерест проходные тихоокеанские лососи. На морских мелководьях и в лагунах нерестились многие виды морских рыб. На косах размножались ластоногие. Расположение рассматриваемых поселений позволяло населению контролировать все мигрирующие ресурсы.

Социокультурная группа признаков морской адаптации также прослеживается на материалах прибрежных памятников. Для приморских охотников-собирателей характерны линейная система расселения и оседлый образ жизни. Расселение имеет все черты линейной системы, так как перечисленные поселения приурочены к самым продуктивным участкам береговой линии, где содержится максимум набора элементов ландшафта (фаций) в пределах зоны хозяйственного использования.

Судя по реконструированному годичному циклу жизнеобеспечения населения памятника Зайсановка-7, не вызывает сомнений, что обитатели побережья залива Петра Великого вели оседлый образ жизни [Вострецов, 2005б]. В пользу такого утверждения свидетельствуют величина самих поселений, насыщенность культуросодержащих отложений, состав артефактов и экофактов.

Технологический комплекс прибрежных памятников выглядит более сложным по сравнению с Кроуновкой-1 за счет появления новых технологий в земледелии, рыболовстве, охоте на морских млекопитающих. На поселении Зайсановка-7 имеются свидетельства освоения морской водной среды – рыболовство объячеивающей снастью, с грузилами трех размерных рангов и поплавками [Zaisanovka 7…, 2005], что, вероятно, отражает существование трех видов сетей. Это вполне соответствует размерному разнообразию видов вылавливаемых рыб. Появилась и совершенно новая технология для населения зайсановской культурной традиции – охота на морских млекопитающих с помощью поворотных гарпунов. Началось использование костяных наконечников гарпунов, составных крючков из кости.

Возможно, продолжительность жизни нового населения существенно увеличилась, о чем свидетельствует захоронение мужчины на поселении Зайсановка-7, достигшего примерно 50-летнего возраста и умершего не от старости (череп пробит, шея свернута). В могильнике бойсманского времени (Бойсмана-2) не известны погребения мужчин такого возраста [Попов и др., 1997]. Не ясна степень независимости малотрудоспособных членов коллектива от основной рабочей силы, но есть косвенные данные, иллюстрирующие наличие условий для слабой зависимости. Так, собирательство устриц вблизи поселения и ловля не стайных рыб крючковой снастью, собирательство растений могли давать возможность старикам и детям прокормиться в кризисных условиях. Плотность населения на побережье представляется более высокой, исходя хотя бы из численности поселений на сопоставимых участках и их площадей, гораздо больших, чем Кроуновка-1.

Реконструированная система жизнеобеспечения и образ жизни позволяют заключить, что население неолитического поселения Зайсановка-7 создало на побережье систему жизнеобеспечения с основными стабилизирующими компонентами. Белковой составляющей диеты было прибрежное морское рыболовство, вспомогательную роль играла охота на наземных и морских млекопитающих, а также птиц. Основным компонентом углеводной составляющей диеты становится собирательство желудей. Роль земледелия, возможно, уменьшилась, однако трудно оценить, в какой мере. Вероятно, оно сохраняет свою стабилизирующую роль, учитывая колебания урожайности желудей и орехов. Еще одним фактором сохранения земледелия была традиция питания. Тем не менее, несомненно, произошли сдвиги в модели питания. В отличие от континентальных земледельцев, на побережье выбор места поселения определялся потребностями эксплуатации морских ресурсов, в первую очередь рыбных.

Очевидно, что нужно оценивать эту новую культурную адаптацию как успешную для данного временного интервала, характеризующегося началом похолодания климата

и регрессией уровня моря. Об этом свидетельствуют расширение спектра эксплуатируемых ниш, относительная плотность памятников, увеличение площади поселений и жилищ по сравнению с предшественниками – рыболовами-охотниками-собирателями бойсманского неолитического населения. Набор признаков материальной культуры и традиции землепользования не позволяют нам проследить культурной преемственности между бойсманским и зайсановским населением. По всей видимости, процессы миграции доминировали над процессами культурной трансформации. Зайсановцы использовали другие источники камня и делали другую керамику. Остаются без ответа вопросы, кто их научил делать поворотные и обычные гарпуны, охотиться с ними и делать составные крючки? Вероятно, часть бойсманского населения сохранилась, но явно недостаточная, чтобы поддерживать культурную традицию и преемственность в материальной культуре.

Носители традиции изготовления керамики с веревочным орнаментом с описанной культурной адаптацией просуществовали на побережье, вероятно, не долго. Об этом свидетельствуют, во-первых, имеющиеся даты – не моложе 4 500 л. н., и, во-вторых, относительно слабая представленность комплексов с керамикой с веревочным орнаментом в зайсановских отложениях на археологических памятниках. Они отражают кратковременность и эпизодичность обитания этих групп населения. Можно предположить, что данный тип адаптации соответствовал началу похолодания и регрессии моря и исчез при достижении их пика около 4 400 л. н. Такое резкое исчезновение традиции веревочной орнаментации керамики может иметь три объяснения. Первое происходит из наблюдения, что в начале регрессии морские ландшафты начинают «сжиматься». Это увеличивает их продуктивность, вплоть до климатического состояния, за которым следуют разрушение и перестройка. В результате исчезает привычная ресурсная база населения. С окончанием похолодания и началом потепления и трансгрессии уровня моря, условия среды начинают меняется в диаметрально противоположном направлении. В результате население, вынужденное быстро перестраивать свою систему жизнеобеспечения, либо вымирает, либо существенно уменьшается и формирует другую адаптацию и, возможно, керамическую традицию.

Второе объяснение основывается на том, что имеются убедительные признаки присутствия в бухте Посьета еще одной культурной группы земледельцев-грядочников, происходящих из совсем других районов (долина р. Туманной). Их появление усугубило затухание традиции изготовления керамики с веревочным орнаментом.

Третье основывается на палеогеографических данных об изменении береговой линии, вызванном изменением климата, что могло повлиять на сохранность памятников. В результате потепления, с подъемом уровня моря на 4–5 м от отрицательного пика регрессии, часть прибрежных памятников с керамикой, украшенной веревочным орнаментом, расположенных на низких прибрежных формах, образовавшихся в ходе регрессии, исчезла под водой, поэтому мы их и не находим. Можно интегрировать все три объяснения, тогда реконструкция получается вполне вероятной и не противоречивой.

Таким образом, на морском побережье мы наблюдаем у носителей затухающей традиции изготовления керамики с веревочным орнаментом, вероятно, смешавшихся с какой-то другой группой земледельцев, пришедших из района р. Туманган, успешную для той экологической ситуации комбинацию земледельческой и приморской культурных адаптаций.

Список литературы

Вострецов Ю. Е. Реконструкция образа жизни, жизнеобеспечения и динамики заселения бухты Бойсмана в неолите // Первые рыболовы в заливе Петра Великого. Природа и древний человек в бухте Бойсмана. Владивосток, 1998. С. 371–389.

Вострецов Ю. Е. Взаимодействие морских и земледельческих адаптаций в бассейне Японского моря // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток, 2005а. С. 159–186.

Вострецов Ю. Е. Годичный цикл жизнеобеспечения на поселении Зайсановка-7: адаптация ранних земледельцев к услови ям жизни на побережье Приморья // Северная Пацифика – культурные адаптации в конце

плейстоцена и голоцене: Материалы междунар. науч. конф. «По следам древних костров...». Магадан, 2005б. С. 138–142.

Вострецов Ю. Е. «Поворотные моменты» в культурной эволюции древнего населения Приморья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 3 (27). С. 25–32.

Вострецов Ю. Е., Короткий А. М., Беседнов Л. Н., Раков В. А., Епифанова А. В. Изменение систем жизнеобеспечения у населения устья р. Гладкой и залива Посьета в среднем голоцене // Археология и культурная антропология Дальнего Востока. Владивосток, 2002а. С. 3–41.

Вострецов Ю. Е., Раков В. А., Кассиди Дж. (Cassidy J.), Глассоу М. (Glassow M.) Стратиграфия и малакофауна раковинной кучи поселения Зайсановка-7 // Археология и культурная антропология Дальнего Востока и Центральной Азии. Владивосток, 2002б. С. 33–41.

Короткий А. М., Вострецов Ю. Е. Географическая среда и культурная динамика в среднем голоцене в заливе Петра Великого // Первые рыболовы в заливе Петра Великого. Природа и древний человек в бухте Бойсмана. Владивосток, 1998. С. 9–29.

Морева О. Л. Керамика бойсманской культуры (по материалам памятника Бойсмана-2): Автореф. дис. … канд. ист. наук. Владивосток, 2005. 26 с.

Подмаскин В. В. Народные знания удэгейцев: историко-этнографическое исследование по материалам XIX–XX вв. Владивосток, 1998. 228 с.

Подмаскин В. В. Этнические особенности сохранения здоровья народов юга Дальнего Востока: проблемы типологии врачевания и питания (середина XIX – XX в.). Владивосток, 2003. 223 с.

Попов А. Н., Чикишева Т. А., Шпакова Е. Г. Бойсманская археологическая культура Южного Приморья (по материалам многослойного поселения Бойсмана-2). Новосибирск, 1997. 95 с.

Сергушева Е. А. Раннее земледелие в Приморье // Вестник ДВО РАН. 2007. № 3. С. 116–120.

Со Кук Те. Неолит Кореи. Пхеньян, 1986. 156 с. (на кор. яз.).

Чжан Ён Хак. Эволюция сельскохозяйственных орудий в Восточной Азии. Сеул, 2003. 357 с. (на кор. яз).

Чжао Биньфу. Археология каменного века Северо-Восточного Китая. Чанчунь, 2003. 461 с. (на кит. яз.)

Choe Chong Pil. Origins of Agriculture in Korea // Korea Journal. № 30 (11). 1990. P. 4–14.

Yesner D. R. Maritime Hunter-Gatherers: Ecology and Prehistory // Current Anthropology. 1980. Vol. 21, № 6. P. 727–750 (на англ. яз.).

Zaisanovka 7 Site, in Primorsky, Russia. Preliminary result of Excavation in 2004. Study on the environmental change of Early Holocene and prehistoric subsistence system in Far East Asia / Eds. M. Komoto, H. Obata. Kumamoto University, 2005. 76 p.

Материал поступил в редколлегию 14.05.2008

Yu. E. Vostretsov

FIRST CULTIVATORS IN THE IN THE COAST OF THE PETER THE GREAT BAY

The article are coincide one of the «turning-points» in cultural evolution of population of Primorye during transition from Atlantic to Subboreal periods of Holocene, when early cultivators migrated from inland to seacoast of the Peter The Great bay. The reason of migration was degradation of agro-climatic conditions over continental area and its stabilization in sea coastal area. In the article there are present the reconstruction of the subsistence system of early cultivators on the seacoast and identification of universal features of maritime adaptation of the coastal population. Also there are identified some features of cultivation in bed on Zaisanovka 7 site around 4500 BP. As result the reconstruction of model of cultural adaptation of early cultivators on seacoast are suggested.

Keywords: East Asia, Russian Primorye, Neolithic, early cultivators, cultural adaptation, maritime adaptation, cultivation in bed.